

«Ко второй половине XV в. все православные страны лишились независимости. Москва же смогла не только сбросить иго Орды, но и объединить русские земли, взглянув на себя как на последний оплот правой веры»

«Второй Израиль» или «Третий Рим»

Николай АСОНОВ – кандидат исторических наук, докторант кафедры политологии и политического управления РАГС

Стремление президента и правительства нашей страны создать «уважаемое государство», учтя национальный исторический опыт, вызвало недовольство у западных политиков, идущих по пути однополярного мира. Их раздражает то, что проект «сбережения нации» отдает предпочтение «своей базе» [1] культурно-исторических ценностей, не допускающей исчезновения нации и ее государства, отстаивая таким образом принцип цивилизационного многообразия.

Для борьбы с начатой в России модернизацией ее противники подготовили целый «арсенал обвинений». Наиболее важным было обвинение в том, что «план Путина сводится к тому, чтобы склеить заново часть черепков бывшей России… для возвращения знаменитого Третьего Рима, который должен покорить вершины мировой власти». Сторонники однополярного мира полагают, что за действиями России кроется ее давнее желание установить свою политическую гегемонию на планете. Между тем теория «Москва – Третий Рим» пришла на Русь именно из Европы, тогда как ей противостояла национальная теория, смотревшая на Русь как на «второй Израиль». На российской почве идея «Третьего Рима» потеряла свое военно-политическое значение и трансформировалась в теорию духовного первенства страны.

Для изучения данной проблемы обратимся к фактам. В начале XIII в. Русь подверглась нападению католических стран. Ее положение осложнилось после захвата в 1204 г. рыцарями Константинополя и развала Византии, считавшейся духовным центром православных стран. Вместе с ней была разрушена древняя иерархия власти во главе с византийским монархом, на месте которого оказался латинский император. Вскоре на Русь обрушились монголо-татары. Теперь она должна была либо признать господство латинского императора как своего верховного сюзерена, либо власть монгольского хана, встав на путь социально-политической модернизации.

Сближение с Западом было сразу отвергнуто. Считалось, что именно Запада следует опасаться в первую очередь. Если бы Восток был перед Богом более грешен, считали на Руси, то Бог не устроил бы там рай. «Насади Бог рай на востоце, а на западе муку уготова», – писал летописец [2].

Данная теория стала продолжением общественно-политической мысли Киевской Руси, считавшей, что Запад давно потерял прежнее благочестие и «в жидовство явлене впадоша». Поэтому русским вменялось в обязанность «всякаго

На с. 180. Вверху. Успенский собор Московского Кремля, созданный итальянским архитектором Аристотелем Фьораванти, приглашенным вскоре после женитьбы Ивана III на Софье Палеолог. Храм построен по образцу владимирского Успенского собора, восходящего напрямую к образцам византийской архитектуры.
Внизу. Икона Донской Божьей Матери, которой св. Сергий Радонежский благословил Дмитрия Донского в канун Куликовской битвы в 1380 г. Написана Феофаном Греком, уроженцем Византии.

учения их бегати», ибо полон Запад «развращенной погибели». Созданные там государства не защищали граждан от разврата и предстоящих мук ада. То есть они не выполняли свою главную функцию, ради которой и были созданы. Движение возрожденной в 1261 г. Византии к дружбе с папой усилило негативное отношение Руси к европейскому миру.

Неприязнь к «духовно оскудевшей» Европе заставила Русь пойти на поклон к хану Золотой Орды. На него православная церковь смотрела как на «небесное наказание», посланное для того, чтобы Русь могла искупить свои грехи и построить подлинно христианское государство, свободное от языческих пережитков, к которым шла Европа. Победа этой позиции стала решающей причиной длительной зависимости Руси от Ордынского хана.

Сторонниками подчинения хану выступили митрополит Кирилл II, князь Ярослав и его сын Александр Невский. Им удалось сломить сопротивление своих противников и подчинить Русь ханской власти. С 1245 г. русские летописи стали величать хана византийским титулом «цесаря» [3]. В то же время подчинение хану имело другую важную особенность, непосредственно затрагивающую властные интересы русских церковных лидеров. В отличие от католиков монголо-татары не собирались уничтожать православную государственность на Руси. В политической элите Орды христиане занимали сильные позиции и помогали своим единоверцам. Это объясняет те привилегии, которые получила русская церковь от хана, разрешившего в 1261 г. открыть в Орде православную епископию [4, с.162], что позволило «священству» перехватить политическое лидерство у князей. Митрополит Кирилл II требовал от князей подчиняться не только церкви, но и повиноваться ордынскому хану. Повиновение должно строиться на принципах смирения. Тогда Бог сможет вернуть Руси политическую свободу, как некогда Он даровал ее древним евреям за смирение перед Ним. Сравнение Александра с Иосифом и Руси с библейским Израилем сначала при Иване III, а затем при Иване Грозном ляжет в основу теории «второго» или «нового Израиля».

Согласно «Житию Александра Невского» Александр, признав власть Батыя, получил в награду великокняжеский трон. Этим он сравнялся с Иосифом, «которого поставил египетский царь вторым после себя человеком». В данном контексте желание освободиться от власти хана не рассматривается как угодное Богу. Наоборот, Александр угодил «Царю небесному» тем, что был «кроток и смирен». «Митрополита и епископов слушался и чтил словно самого Христа» [4]. Тем самым признавалось, что возвращение истории «на круги своя» есть возвращение к погибшему Израилю. Этим новым Израилем может стать Русь, если достойно выдержит посланные ей испытания.

Новое сближение Руси с Византией в XIV в. усилило ее интерес к Европе. Не последнюю роль в этом сыграл Константинопольский патриарх Филофей. С именем этого патриарха, глубоко почитавшегося на Руси, связано зарождение теории «Москва – Третий Рим», впервые выведенной в «Повести о новгородском белом клобуке».

В этой «Повести» Филофей после пророческих видений, позволивших ему понять обреченность Византии, решает отказаться от символа высшей духовной власти – белого клобука. Данный клобук изначально принадлежал римским папам, но когда Рим отошел от религиозно-нравственных основ христианства, клобук перешел в Константинополь. Теперь Филофей отсылал этот символ власти и непорочного христианства на Русь

– последнюю страну, способную сохранить и отстоять православие.

Утверждение теории «Москва – Третий Рим» связано также с тем, что ко второй половине XV в. все православные страны лишились независимости. Москва же смогла не только сбросить иго Орды, но и объединить русские земли, взглянув на себя как на последний оплот правой веры. В немалой степени этому помог сам Запад. Римский папа, надеясь на помощь Москвы против Турции, предложил Ивану III взять в жены племянницу последнего византийского императора Софью Палеолог, жившую при его дворе. Ивану III внушалась мысль о его правах на византийское наследство. В 1519 г. от имени папы даже было объявлено, что Константинополь является «отчиной» и «наследием царя всея Руси».

Принятие нового государственного герба в виде двуглавого орла теперь подчеркивало имперский статус Московского государства. Ведь такой орел символизировал власть царя, то есть высшую власть мирового уровня. Таким образом, претензия на возрождение Византии в рамках России вплотную подвела русскую политическую мысль к оформлению теории «Москва – Третий Рим» как государственной.

В 1490 г. митрополит Зосима в «Изложении пасхалии» постарался обосновать мысль о превращении Москвы во второй Константинополь. Вскоре труд Зосимы получил новую редакцию. В ней Москва уподоблялась «новому Риму», после чего оставался буквально один шаг до разработки теории «Москва – Третий Рим».

Родиться этой теории помог Новгородский архиепископ Геннадий. Борясь с сепаратизмом бояр, он переработал легенду о белом клобуке в угодный Москве вариант. Теперь, согласно новой версии, духовно-нравственные основы христианства сохранились только в Московской Руси, поэтому ее власть отвечает требованиям христианской государственности. «Ибо древний Рим отпал от христианской веры по гордости и своевольству, в новом же Риме – в Константинограде притеснением мусульманским христианская вера погибнет также. И только в третьем Риме, то есть на Русской земле, благодать святого духа воссияет. ...все христианские царства придут к своему концу и сойдутся в едином царстве русском на благо всего православия» [5].

Выдвижение данной теории не могло идти без участия представителей Европы. Известно, что Геннадию активную помощь оказывали католики и греки-униаты. Можно предположить, что благодаря им укрепилось и получило переработку византийское учение о «богоизбранности и духовной миссии» неумирающего вечного Рима, теперь воскресшего в образе Москвы.

В начале XVI в. игумен Филофей завершил формирование новой государственной теории Московской Руси. На формирование его взглядов помимо «Повести о новгородском белом клобуке» важное влияние оказал подаренный ему «Хронограф». «Хронограф» включал статьи по истории юга Европы, составленные в 1442 г. Пахомием Логофетом [6].

В «Послании о неблагоприятных днях и часах» Филофей дал широкую трактовку теории «Москва – Третий Рим». Он принял версию Геннадия о Божественном предопределении Руси и смотрел на нее как на избранную Богом державу. Подобная избранность ставилась выше материального благополучия. Поэтому Василию III давался совет «сохранять это с великою осторожностью и ... не надеяться на золото и на преходящее Богатство».

По мнению Филофея, «прельщение» материальными соблазнами, а также желание граждан ум и волю свою поставить выше требований Бога приводит государства к гибели. Филофей обращает вни-

мание на то, что гибель государства и общества может носить двоякий характер: физический и духовный. Самая страшная гибель – духовная. Ею поражен внешне благополучный Запад, идейной столицей которого является «первый Рим». И «хотя великого Рима стены и башни ... не захвачены (врагами веры. – *А.Н.*), однако души их дьяволом пленены». Византия, благодаря тому, что греки остались верны правой вере, пережила лишь физическую гибель. «Ибо хотя внуки Агари греческое царство покорили, но веры не повредили» [7, с.31].

Исходя из этих рассуждений Филофей признал подчиненное положение «священства» по отношению к «царству» как главному защитнику веры. «Во всей поднебесной, – пишет Филофей, – единый есть христианам царь и сохранитель святых божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве». Таким образом, когда все западные страны, пойдя за «первым Римом», пережили духовную гибель, а все православные государства вместе с Константинополем пережили гибель физическую, осталось только одно царство – Московское и один истинный государь от Бога – князь Московский. Вот почему «все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это – Российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвёртому не бывать», ибо «Рим – весь мир» [7, с.30]. Эта мысль получила поддержку Василия III, став ненадолго политической теорией страны.

Но еще при Иване III «стяжатели» решили возродить взгляд на Русь как на второй Израиль. Причина падения православных стран виделась им не только в Божественном промысле, а в том, что граждане «не сташа мужественне» против врагов веры. Поэтому они отечество «и душа и телеса своя загубиша». Таким образом, защиту православной государственности «стяжатели» связывали не с поиском общих исторических корней Москвы и Рима, а с Израилем, где Бог впервые создал правильную монархию.

В данной связи важный характер имеет «Грамота на Угру» Ростовского архиепископа Вассиана Рыло, составленная в 1480 г. В ней он не только ставит государя выше митрополита, но и дает свое толкование «смирения». Его Вассиан понимает как покорность Богу, а не хану. Ради защиты того, что принадлежит Богу, государь должен вести войну с теми, кто желает покорить Христовых «овець». Какой пророк пророчествовал, удивлялся Вассиан, чтобы хану стал повиноваться «великий христианский царь?» Гнев Бога не может быть вечно над теми, кто сохранил правую веру. Как Господь освободил «Иисраильтских людей от лютаго... Фараона», так и нас «нового Иисраиля» избавит Он от «новаго Фараона, поганого Измаилова сына» [8]. Эта позиция возрождала взгляд на Русь как на «второй Израиль», отражая ее «богоносный» путь и требуя вести модернизацию согласно библейским требованиям.

Обращение к истории Израиля как государства, основанного Божьим промыслом, позволяет думать, что внедрение в России титула «царь» указывает на торжество теории «Русь – новый (второй) Израиль». Так, Жак Маржерет сообщает, что Иван Грозный после покорения Казани получил «титул императора от римского императора Максимилиана». Но в России «считают, что слово ЦАРЬ взято из Священного писания... а эти слова Tsisar и Kroll (император и король. – *А.Н.*) – всего лишь человеческое измышление, и это имя некто стяжал себе славными воинскими деяниями» [9]. Данное заявление заслуживает внимания, т.к. считалось, что Израилю

(согласно Священной истории) Богом были даны цари, а не Римские императоры. Следовательно, принимая титул «царь», Иван Грозный отказал теории «Москва – Третий Рим» в официальном характере и принял теорию «Русь – второй (новый) Израиль».

В этом нас убеждает разработанный в эти годы «Лицевой Летописный Свод». Он дал полную концепцию истории Российской государственности практически в том виде, как это излагал Иван Грозный в посланиях Андрею Курбскому. Политическую историю России авторы «Свода» понимали как движение мира к постижению Божественной истины, и если цари отпадают от этой Божественной истины, государство гибнет. Связь с «Божественной истиной» строилась в первую очередь на примере истории царства Израиль. Теория «Москва – Третий Рим» не нашла своего отражения в «Своде» и официальных документах. Она не упоминается и в переписке царя с Андреем Курбским. Зато у обоих авторов неоднократно подчеркивается взгляд на Россию как на второй (новый) Израиль [10].

На это указывает и праздник Входа Господня в Иерусалим, введенный по инициативе Ивана Грозного. Этому празднику царь посвятил главную церковь ансамбля Покровского собора. Таким образом, господствующая политическая теория при Иване Грозном отделила Россию от римской истории и сделала ее прямым продолжением богоизбранного царства Израиль.

Возвращение к теории «Москва – Третий Рим» произошло только в конце XVI в., когда правительство Фёдора I, возглавляемое Борисом Годуновым, решило поднять политический авторитет России в Европе. Это желание привело к отказу от взгляда на себя как на второй Израиль. В 1588 г. в Москву прибыл Константинопольский патриарх Иеремия и предложил перенести в Москву свою кафедру. Тем самым он дал понять, что готов рассматривать Москву как преемницу Константинополя. Но, не получив согласия, решился утвердить в России патриаршество.

«Новый летописец», цитируя беседу Фёдора I с Иеремией, уже приводит обоснование введения патриаршества с позиций теории «Москва – Третий Рим». С ней оказался связан принцип Pentarchia, или «правления пяти», принятый в Риме в IV в. Иеремия подчеркнул важность восстановления соборного правления христианской церковью пятью главными иерархами. Место папы, впавшего в ересь, должен занять Московский патриарх. «Был, – говорит Иеремия, – в православной вере папа Римский да четыре патриярхи… и папа де окаянный от православныя веры отпал… и ныне де благочестия Пятова напрестолника несть, а здесь в Московском государстве православная христианская вера, – чтобы бытии в Московском государстве пятому патриярху» [11]. По образцу Римской империи, имевшей пять религиозных центров, в России открылось пять митрополий.

Соборная грамота, утвердившая патриаршество, теперь указывала на Москву как на Третий Рим. «Ибо древний Рим пал Аполлинариевою ересью, а второй Рим – Константинополь – находится в обладании внуков агарянских, безбожных турок; твое же великое Российское царство, третий Рим, превзошло всех благочестием, и все благочестивые царства собрались в твое единое, и ты один под небесами именуешься христианским царем во всей вселенной». На этом основании можно утверждать, что решающую победу теория «Москва – Третий Рим» одержала только в 1589 г., получив одобрение русского церковного собора и Константинопольского патриарха.

Окончание на с. 208

Окончание. Начало на с. 181

Таким образом, теория «Москва – Третий Рим», как и теория «Русь – второй (новый) Израиль», став составной частью доктрины самодержавной соборности, сложившейся в условиях острой социально-политической борьбы, направленной на упрочение духовных основ отечественной государственности, легла в основу политической консолидации российского общества. Опираясь на принцип «симфонии двух властей», данные теории также способствовали укреплению государственной власти.

В то же время обе теории стали выступать важнейшим фактором политической координации деятельности, направленной на осуществление институциональных преобразований в функционировании и развитии всей политической системы России. Они способствовали согласованию действий субъектов и объектов политики, институтов власти с фундаментальным соотнесением стихийного и сознательного начала, индивидуального и массового интереса к вопросам государственного строительства.

Вместе с тем эти теории, не став локальным и узковременным явлением в идеологической подсистеме страны, сумели направить государственные органы в центре и на местах по пути интеграции и консолидации многонациональной и многоконфессиональной России на основе, в первую очередь, нравственных принципов.

Данное обстоятельство имеет и сегодня весьма важное значение. Если государственная власть и органы государственной службы не сумеют разработать и реализовать в союзе с ведущими отечественными конфессиями новую теорию духовно-нравственного возрождения России, нам не удастся сохранить нашу страну и сберечь нацию в XXI в., как было об этом заявлено в «Приоритетных национальных проектах».

Литература

1. Приоритетные национальные проекты – идеология прорыва в будущее. Сборник / Сост. А.И. Иванов, В.О. Казанцев, М.Б. Карпенко, М.М. Мейер. М., 2007. С.61, 68, 87.
2. Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. VII. М., 2001. С.213.
3. ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С.94.
4. Житие Александра Невского // Изборник. М., 1969. С.328, 334, 338, 340.
5. Повесть о новгородском белом клобуке // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 7. С.225.
6. *Кириллов И.А.* Третий Рим (Очерк исторического развития идеи русского мессианизма). М., 1996. С.31.
7. *Филофей.* Послание о неблагоприятных днях и часах // Русская идея. Сост. Е.А. Васильев. М., 2002.
8. ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С.211-212.
9. *Жак Маржерет.* Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С.232.
10. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским // ПЛДР. Вып. 8. М., 1986. С.17, 39, 41, 219.
11. ПСРЛ. Т. XIV. М., 2000. С.38.

1. Крестоносцы в Константинополе (IV крестовый поход 1204 года).

2. Взятие Константинополя турками в 1453 г. (Французская миниатюра).

3. 4. Ледовое побоище и Куликовская битва. Миниатюры Лицевого Летописного Свода.

5. Икона Владимирской Божьей Матери, привезенная из Константинополя в XII в. Находилась при русском войске как во время Куликовской битвы, так и при «стоянии на Угре», положившем конец татаро-монгольскому игу.

6. Печать Ивана III. С одной стороны – традиционный Георгий Победоносец, с другой – византийский двуглавый орел.